

Н. В. Поньрко

Литература русского старообрядчества как культурный феномен (типы и стили)

РЕЗЮМЕ ДОКЛАДА

В своё время В. П. Рябушинский, автор знаменитого труда «Старообрядчество и русское религиозное чувство», так сформулировал последствия Раскола русской церкви, случившегося в ХУП веке: реформы Никона, а затем Петра I «раскололи русских на два народа, каждый со своей культурой, - на мужика и на барина». Старообрядческая литература с этой точки зрения должна быть определена как «литература мужика», уже со середины ХУШ в. окончательно ставшая чуждой «барину» и его социальной наследнице – русской интеллигенции.

Но так было не всегда. В середине ХУП в. это был ещё один народ, говоривший на одном языке, носивший одну одежду и читавший одни книги. Когда в конце 70-х годов ХУП в. родной брат боярыни Морозовой Федор Соковнин писал Житие своей сестры, мученицы за старую веру, в это же самое время другой автор, неизвестный нам по имени, трудился над созданием Жития «милостивого мужа» Федора Михайловича Ртищева, убеждённого сторонника никоновых реформ. И оба они брали при этом за образец созданное в конце первой трети ХУП в. Житие мирской праведницы Улиании Лазаревской (Осоргиной). Протопоп Аввакум также был воспитан на Житиях, подобных Житию Улиании Лазаревской. В этом смысле его литературные вкусы не отличались от вкусов его «старого дружищи» Федора Ртищева, в московском доме которого, как мы знаем из жития Аввакума, устраивались в 60-е гг. диспуты о вере.

И тем не менее, при всём сходстве восприятия традиционной книжности, в писательской среде эпохи Раскола неожиданно обозначились два сугубо противоположных направления, существование которых было вызвано к жизни непримиримой борьбой, развернувшейся вокруг церковной реформы. Одно из них представляли старообрядческие писатели, обличители никоновых «новин», другое – писатели официального лагеря, защитники церковной реформы. Кредо каждого из них хорошо охарактеризованы в книге А. М. Панченко «Русская стихотворная культура ХУП века». Здесь как особенность писательской позиции Аввакума и его последователей отмечено неприятие ими «внешней» риторики, признание «писательства по нужде» и в связи с этим сознательная ориентация на просторечные формы.

Большая часть произведений раннего старообрядчества, где уничижается «внешняя» мудрость, так или иначе имеет отношение к полемике. И это не случайно. Ибо особенность той писательской позиции, на которой стоял Аввакум и писатели его школы, в том и заключалась, что она была связана с известной литературной одноплановостью, приведшей к преобладанию полемических и публицистических жанров в их творчестве, поскольку их задачи были больше, чем литературные, для них писательство было, в первую очередь, проповеданием истины.

Литература раннего старообрядчества образует первый, чётко определяемый, тип рассматриваемого нами феномена.

Вторым, не менее чётко обозначившим себя типом, была выговская литературная школа.

Конфликт порождает тип «писателя по нужде». К началу ХУШ века старообрядческий конфликт затянулся в непреходящую проблему, а, следовательно, до некоторой степени в

обыденную. Для сторонников старой веры на первый план выступило не проповедание истины, а задача самосохранения себя в культуре. Пришло время культурного строительства. Андрей Денисов, основатель школы, учил своих учеников, предостерегая их от излишне ревностных сочинений: «Уже нам российских архиереев и философов никакою ревностью не поворотити будет в своё состояние ... но, спасая, кийждо из нас да спасет свою душу. А к ним с почтением да отвещеваем ... ибо не научити их сим хотяще, но точию себе оным доставити желаем благоспасительный покой».

Если для направления Аввакума всякое литературное умствование воспринималось как грех, то для выговских писателей оно стало добродетелью. Выговскими писателями витийство, риторика, «словолюбие» оценивались очень высоко. Приняв за точку отсчёта культуру ХУП в., выговцы в качестве образца избрали для себя пышную литературу второй половины ХУП в., в создании которой подвизались их идейные противники. Они не расценивали этот факт как противоречие, для доказательства истинности веры оставались полемические сочинения, а для сохранения себя как субъекта культуры весь круг традиционной словесности со всем накопившимся к концу ХУП столетия набором жанров, - от традиционных агиографического, историографического, гимнографического, до сравнительно новых панегирического и стихотворно-силлабического.

И всё же Выг – это ещё сохранение в известной степени русской соборности. Неумолимое изучение выговцами словесных наук, стремление их встать на равных со «знатными риториками» своей эпохи, Стефаном Яворским, Феофаном Прокоповичем и др., позволяет говорить о сохранении в русской словесности пер. трети ХУШ в. культурного кода, ещё общего как для старообрядцев, так и для новообрядцев: и тех, и других характеризует принадлежность к пышной стилистике барокко (с некоторым, разумеется, стадильным отставанием выговцев).

Но Выг – это не всё старообрядчество. С точки зрения развития словесных наук выговская дитературная школа была «Академией в лесах». Ничего подобного не удалось повторить в других областях Российской империи. К концу ХУШ в. выговская «Академия» пришла в упадок, а вскоре и дождалась и «выгонки», что намного раньше пережили старообрядческие поселения центральных и югозападных областей России.

В культуре же барина в это время как раз насаждаются и развиваются различные Академии и Университеты. Но от них старообрядчество было полностью отторгнуто по причине своей нелегитимности в рамках господствующей религии и государственного устройства. С побегов «в леса и на гора» от преследований как гражданских, так и церковных властей началась история старообрядчества в ХУП веке, побегами оно продолжало сохранять себя вплоть до начала ХХ столетия, а кое-где и весь ХХ век.

Но будучи отторгнуто от высших школ европейского образца, старообрядчество, эта самая образованная часть русского крестьянства, сумело сохранить традиционный способ начального образования, выработанный ещё в Древней Руси. Этот способ заключается в обучении всякого человека «от младых ногтей» церковному чтению и пению по Псалтыри и Часослову, - двум умениям, необходимым для непосредственного участия в богослужении. Ведь осмысленное участие в домашней (келейной) и церковной молитве – главенствующий принцип существования старообрядческих сообществ. А для сохранения церковного круга богослужения требуется большой набор литургических книг. Их старопечатные издания бережно сохранялись в ситуациях гонений с дониконовых времён. Но этого было мало. Надо было возвращаться к отточенному веками способу

переписывания от руки богослужебных книг и литературных памятников. Это искусство с сохранением полууставного стиля письма, способов подготовки писчего материала и приёмов переплётного дела благополучно дожило в старообрядческой среде до наших дней. И оно поддерживало третий, наиболее распространённый, тип старообрядческой литературы, характеризующийся направленностью на сохранение литературного наследия Древней Руси, - от богослужебных книг годового круга до творений отцов Церкви, работ византийских и русских хронистов, произведений византийских и русских агиографов и гимнографов. Одни из них сохранялись в своём физическом виде с древнейших времён, другие - в созданных с них рукописных копиях ХУП – ХХ вв. И эта литература была той духовной пищей, которая питала культуру русского мужика на протяжении трёх последних столетий.